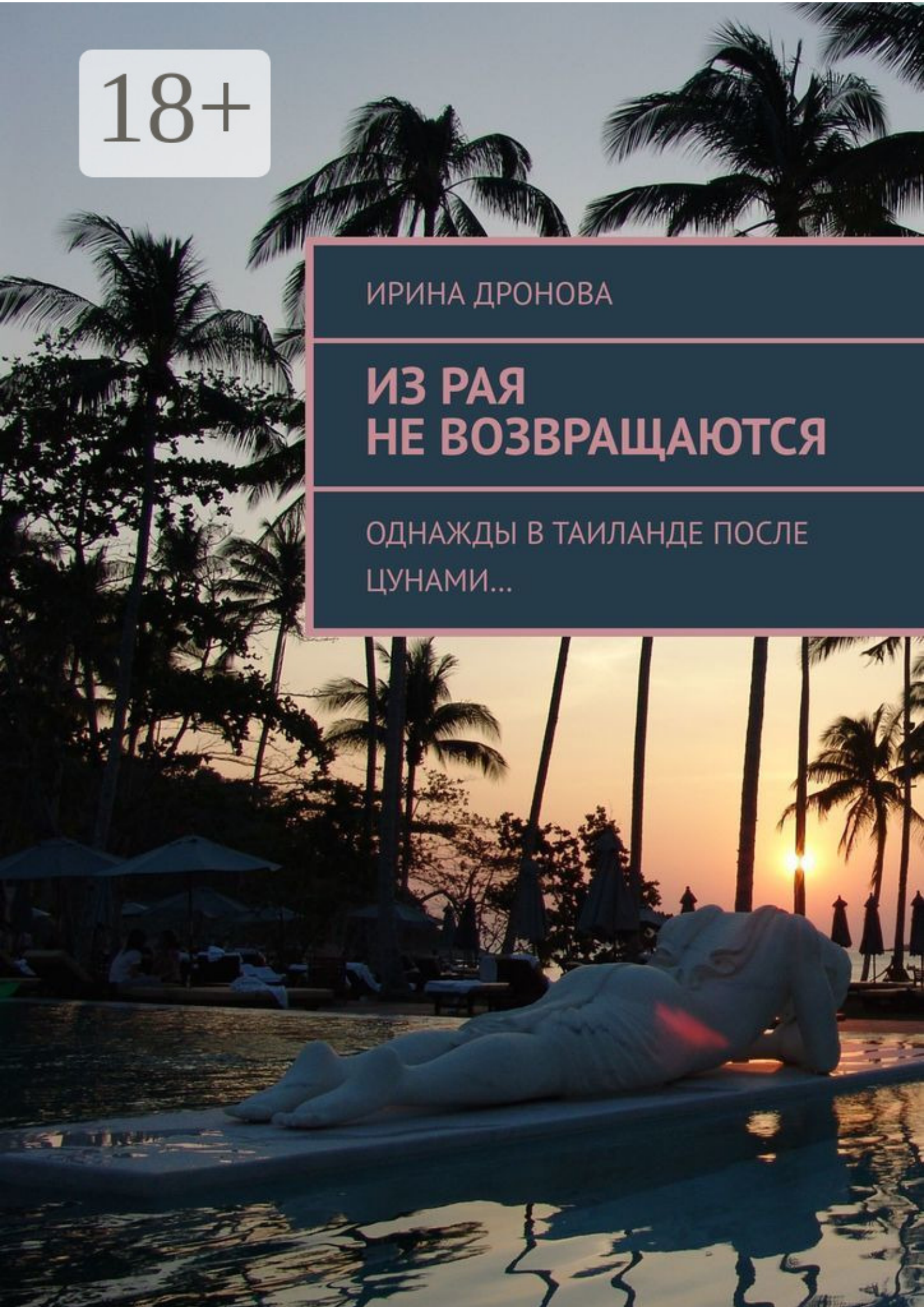

18+

ИРИНА ДРОНОВА

ИЗ РАЯ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

ОДНАЖДЫ В ТАИЛАНДЕ ПОСЛЕ
ЦУНАМИ...

Ирина Дронова

**Из рая не возвращаются.
Однажды в Таиланде
после цунами...**

«Издательские решения»

Дронова И.

Из рая не возвращаются. Однажды в Таиланде после цунами... /
И. Дронова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832392-8

Когда я вернулась на берег, пляжная мозаика начала распадаться, уступая место правильной рекламной картинке с рядами шезлонгов и сложенных зонтов. Через полчаса у фонтанов загорелись красные фонари, тихо заиграла музыка, в ресторане размеренно забрякали ножи и вилки. Не отель, а прямо-таки корабль-призрак. Все умерли, и никто об этом не догадывается.

ISBN 978-5-44-832392-8

© Дронова И.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	7
III	8
IV	10
V	13
VI	15
VII	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Из рая не возвращаются Однажды в Таиланде после цунами...

Ирина Дронова

*Кто не нашёл рая на земле,
тот не найдёт его и выше.*

Эмили Дикинсон

© Ирина Дронова, 2025

ISBN 978-5-4483-2392-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Сомкнув руки за головой, я смотрю, как теплый ветер ерошит блестящие пальмовые листья. Ни дум, ни мыслей, ни ощущения времени. Море то уходит, то возвращается. Соседнее дерево на глазах меняет наряд, швыряя вниз красное тряпье и жесткие зеленые плоды. Из липких почек за несколько часов появляются нежные листочки. Весна? Лето? Осень?

– Загораешь? У нас тоже хорошая погода, – в голосе Константина, так легко преодолевающим тысячи километров, все еще сквозит обида. И кажется, слышно, как в телефонной трубке скрипит снег. Зима...

Разговор не клеится. Да и о чем говорить с человеком, добровольно оказавшимся в другом мире и в другом измерении.

Вообще-то я не привыкла отдыхать одна, но теперь вдруг осознала, как это замечательно. Хорошо бы вообще не встречаться с русскими, не заводить знакомств, не вступать ни в какие разговоры. Может быть, мне удастся сойти за мадам какой-нибудь другой национальности, что случалось уже не раз. Вот только глаза...

Подруга, живущая теперь в Италии, говорит, что мало загореть и модно одеться. По взгляду все равно видно – русская. Поэтому я хожу в темных очках. И думаю: «Что же в нем особенного, в этом русском взгляде?»

Книга, захваченная из дома, могла бы меня выдать, поэтому, уходя купаться в море, я бросаю ее на шезлонг лицом вниз. С обратной стороны обложки – лишь фотография автора и японские иероглифы.

Впрочем, в этом тихом семейном местечке, где каждый занят сам собой, особо беспокоиться не о чем. После обеда я в полном одиночестве брожу среди деревьев и цветов и недоумеваю: «Куда же все подевались?»

На самом деле территория отеля не столь велика, как может показаться с первого взгляда. Несколько трехэтажных корпусов, расположенных полукругом, объединяют искусственные водоемы, через которые переброшены деревянные мостики. Красные фонари, ряды бурлящих фонтанов, цветущие лотосы, деревья, роняющие белые душистые цветы тиааре на зеленые газоны, органично вписываются в общий архитектурный замысел.

Картину дополняют белые бассейны, в самом большом можно устраивать заплывы на пятьдесят метров. Здесь у кромки воды, которая идеальным миллиметровым полотном переливается через его края, в безмолвной молитве вытянулся мраморный купальщик, похожий на Будду. И это единственный намёк на то, что ты находишься всё-таки в Таиланде.

II

Ещё один наполненный теплом день бездумно уплывал в прошлое, не оставляя в душе никакой зацепки. Я спрашивала себя: «Разве не этого ты хотела?» И не знала, какой ответ считать правдивее: то ли «да», то ли «нет». Но, в конце концов, непонятные метания улетучились тоже, уступив место покою и блаженству. Может быть, поэтому я серьезно забеспокоилась из-за сущего пустяка – кто-то все-таки перевернул оставленную на шезлонге книгу.

«Ну, началось...» – я с тревогой обвела взглядом ближайших соседей, но не заметила ничего подозрительного.

Однако через какое-то время на пляже появилась семья типичного представителя среднего или мелкого бизнеса. Самодовольный мужчина лет сорока и его жена, напоминающая своей умеренной полнотой надувную куклу, по очереди тихонько наставляли своего сынишку.

Судя по всему, отец взялся учить мальчика управлять каяком. Легкая пластиковая лодка заваливалась в разные стороны, весло неуверенно скользило над водой.

– Все, больше не хочу! – упрямылся малыш.

– Не хочешь? Да ты просто слабак!

– Я устал! Понял?! Устал!

– Слабак-слабак! – не унимался папаша.

– Нет! Я устал!

– Слабак! Ньюни распустил...

В конце концов мальчуган выбрался на берег и, с остервенением бросив в сторону отца горсть мокрого песка, заорал на весь пляж:

– Заткнись, дурак!

Мне стало как-то не по себе. Но на пляже не хлопнешь дверью, не припустишь бежать куда глаза глядят. Песчаная береговая полоса в районе отеля совсем узкая. Прямо над водой склоняются пальмы с обнаженными корневищами и старые деревья с наполовину засохшими ветками.

Утром здесь волны тихонько играли кусочками кораллов и ракушечной крошкой, но теперь, на исходе дня, появились песчаные отмели, по которым мечутся очумелые крабики. По воде навстречу заходящему солнцу можно идти и идти. И я пошла. Казалось, что еще чуть-чуть – и зеленые островки, зацепившиеся за горизонт, окажутся рядом. Но минут через двадцать ноги стали проваливаться в неприятный глинистый грунт, а вода подобралась к подбородку.

Когда я вернулась на берег, пляжная мозаика начала распадаться, уступая место правильной рекламной картинке с рядами шезлонгов и сложенных зонтов. Через полчаса у фонтанов загорелись красные фонари, тихо заиграла музыка, в ресторане размеренно забрякали ножи и вилки. Не отель, а прямо-таки корабль-призрак. Все умерли, и никто об этом не догадывается.

Собственные мысли меня не напугали, а лишь заставили ухмыльнуться. Возможно, в этой ухмылке и сквозила грусть, но я не могла представить, как это выглядит со стороны.

Ночью мне казалось, что кондиционер работает слишком надрывно, что ветер иногда завывает странно, как-то по-зимнему, и чудилось, что огромные волны подкрадываются все ближе и ближе. Я тихонько выскользнула на балкон: море на месте, в небе смеется половинка луны, под окном погасила фары прошуршавшая по гальке служебная машина.

III

Утром у двери номера я взяла несколько газет, хотя знала, что не буду их читать. Но фотографии разрушенных цунами мест всё-таки успели мелькнуть перед глазами.

Растерев по телу кокосовое масло, я с деланной беспечностью швырнула бутылочку в сумку, вытянулась на мягком полотенце и принялась изучать внутренности пляжного зонтика. Не обнаружив там ничего примечательного, переключилась на вид моря, который оказался на редкость однообразным. Не то что в Паттайе. Хотя при чём тут Паттайя? Да, в тот день с террасы ресторана я смотрела на нарядное от разноцветья парусников море и отказывалась верить, что оно может быть другим.

В городе по-прежнему бурлила жизнь – яркая, непредсказуемая, многообещающая. Но сотни людей уже как-то не вписывались в этот водоворот. Они скользили как тени на веселом карнавале: их видели, но не замечали. Никто не хотел признавать реальность трагедии, омрачившей отпуск, трагедии, раз и навсегда превратившей Таиланд из страны покоя и блаженства в страну-катастрофу.

Костя уехал в аэропорт, высказавшись напоследок: «Не хочешь возвращаться – не надо. Хочешь найти своё райское место – ищи. Но учти: из рая не возвращаются».

Обижаться мне было не на что. Отношения не складывались. Вернее, стали разваливаться, не успев сложиться. Паттайя со своим спокойным бирюзовым морем уже не могла нам помочь – между нами стоял страх, имя которому Патонг.

Что такое страх? Иногда это просто набор слов: «Ну, вот и всё». Почти что умиротворяющая фраза без восклицательного знака. Но было и нечто большее, чем это животное чувство, парализующее мозг. Когда после наркоза начинаешь различать голоса, ощущать запахи и осознавать, что всё обошлось, постепенно подкатывает настоящая боль. И тебя своевременно избавляют от неё при помощи укола. Возвращение к жизни после страха происходит мучительно и без обезболивания. При этом проснувшееся сознание фокусируется именно на том, что впоследствии будет провоцироваться кинжалом в незаживающей ране.

Мой маленький мальчик в голубых шортах и белой футболке... Нет-нет, конечно, он не был моим мальчиком, но стал тяжёлым якорем боли.

Ему было года четыре, не больше. Когда я загорала у бассейна, он бегал рядом, придумывая себе развлечения. Потом, заметив мой взгляд, откровенно улыбнулся и сделал вид, что спрятался за ствол старой пальмы. Я протянула ему яблоко. Он подошёл, опять улыбнулся и положил мне на колени свою красную гоночную машинку. Его чёрные, как огоньки, глаза теперь смотрели из-под прямой чёлки насмешливо и испытующе: как я, такая большая, буду изображать рёв мотора и ползать на четвереньках по прилегающей к бассейну территории. Я же вдохновилась настолько, что отдыхающие стали посматривать в нашу сторону с любопытством. Мальчик заразительно смеялся, обнажая крохотные рисинки-зубы.

Певучий голос молодой таечки, по-видимому, работающей в отеле горничной, прервал нашу милую забаву. Выхватив у меня машинку, малыш без оглядки помчался к матери.

Через день после цунами я увидела мальчика в коридоре отеля. Он протянул мне красную машинку, но тут же отдёргнул руку и, смеясь, побежал дальше. Несколько секунд я в замешательстве смотрела ему вслед.

В номере Костя нервно упаковывал свой чемодан. Я села на кровать и с нотками смятения в голосе сказала:

- Костя, я только что видела того мальчика.
- Какого мальчика?
- Я рассказывала... Мы с ним в машинки играли.

– Но...

Костя оторвался от своих футболок и посмотрел на меня пристально, изучающе:

– Ты знаешь, что это был не он. Они тут все на одно лицо.

– Но у него была такая же красная машинка.

– Значит, он её где-то подобрал.

– Нет, это тот же мальчик и та же машинка! Он жив!

К моим глазам подступили слёзы.

– Ты сама видела его мёртвым. Хотя был ли мальчик? Может, мальчика-то и не было? – вдруг расхохотался он.

Я хлопнула дверью, бросилась к лифту, спустилась на ресепшен, где всё ещё что-то ремонтировали рабочие – от цунами в отеле Патонга пострадал только первый этаж, но сам он за считанные часы превратился в мертвеца. Отдыхающие бежали отсюда так поспешно, как только могли. В номерах оставались только последние семьи, ожидавшие такси или автобусы, отвозящие до ближайшего аэропорта.

Дежурные таечки улыбались и махали вслед мальчику, бегущему к выходу. Оглядываясь, он посылал им воздушные поцелуи. Через несколько секунд стеклянное полотно двери отъехало вправо и тут же вернулось назад. Мой взгляд упал на красную гоночную машинку, валявшуюся вверх тормашками почти у самых ног. Я подняла игрушку, машинально провела ладонью по моментально ожившим колёсикам и вопросительно посмотрела на улыбающихся девушек, но они молчали.

– Надо бы передать мальчику, – показала я на машинку.

Одна из таечек отозвалась привычно радостно:

– Передавать не надо. Мальчик нашей Кани умер. Скоро Кани позовёт монаха, всё будет хорошо.

Я подумала, что схожу с ума.

IV

Ни в аэропорту Пхукета, ни в самолёте, возвращающем нас в Паттайю, мы практически не разговаривали – оказалось, что так легче удержаться в реальном времени.

Я пыталась дочитать книгу, которую брала с собой из дома. И только тут поняла, что знаки судьбы всё-таки существуют, и один из них я точно пропустила.

«Все-таки какая странная штука – землетрясение. Мы-то свято верим, что земля под ногами – твердая и прочная. Даже фраза такая есть: „упираться ногами в землю“. И вот однажды мы понимаем, что это не так. Прочная земля и скалы становятся мягкими, как кисель... К счастью, в Таиланде крупных землетрясений не бывает».

Когда мы летели с Камчатки в Таиланд, эти строчки из книги меня не насторожили. Напротив, действовали успокаивающе: наконец-то можно расслабиться и ничего не бояться.

На Камчатке все говорят, что привыкли к землетрясениям. На самом деле к ним привыкнуть невозможно. Иногда ночью просто заколотится сердце, а ты уже подскакиваешь и смотришь на люстру – не раскачивается ли?

Здесь у каждого есть свой страх пережитого. Однажды перед сном мне захотелось почитать Евангелие. Взгляд выхватил строчку: «...видишь сии великие здания? Всё это будет разрушено так, что не останется камня на камне». Тогда я подумала, что эти пророческие слова относятся к моим взаимоотношениям с любимым мужчиной, и поспешно захлопнула книгу. Но ночью всё заходило ходуном. Я вскочила с постели, накинула на голые плечи какое-то пальто и босиком вылетела на улицу. Из других подъездов тоже бежали люди, где-то жутко выли собаки. Под тёплыми ногами таял колючий грязный снег.

Через пару минут всё стихло, взбудораженные соседи потянулись по домам. Я представила, как кто-то из них сядет на кухне пить кофе, кто-то, выйдя на уцелевший балкон, затянется сигаретой, кто-то плюхнется в ещё не остывшую постель. Ничего не случилось – просто очередное землетрясение без жертв...

Я зажгла свет во всей квартире и оценила причинённый ущерб: на кухне разбилась кофейная чашечка, вероятно съехавшая с кромки стола; с полочки над кроватью свалилась часть книг; дверь ванной комнаты перегородила швабра.

Я сварила кофе и, погрузившись в полутьму квартиры, решила дожидаться утра. И вот наконец по горизонту расплылся красный рассвет. Железный гигантский крест, установленный на въезде в город, пугающе выступил на фоне развалин. Как такое могло произойти? Не могла же я проспать землетрясение?

Я впрыгнула в джинсы, надела свитер и куртку, через раз зашнуровала горнолыжные ботинки и выбежала из подъезда. Пятиэтажные дома, жавшиеся друг к другу, как ни в чём не бывало досматривали свои хмурые сны.

На автобусной остановке почти никого не было. Туда-сюда шаркал по асфальту неопрятный старичок, уличная торговка прятала нос в лиловый пуховик. Долговязый молодой человек, придерживающий на колене дипломат, пытался что-то найти в его недрах, а найдя, артистически встряхнул длинными кудрями и воскликнул:

– Вот!

Он посмотрел мне в глаза и обрадованно протянул маленькую книжечку с изображением Будды:

– Дарю!

– Спасибо, у меня есть своя.

Я показала ему миниатюрную книжечку – Евангелие от Матфея, – которую машинально захватила из дома. В ту же секунду я вскочила в подъехавший автобус. Сев на свободное место,

я хотела положить Евангелие в карман, но обнаружила, что в моих руках книжечка с изображением Будды и надписью: «Трипитака»...

Сердце просится наружу, разлетается на мелкие кусочки, застывает перед глазами светящейся мозаикой. Через несколько секунд мне удаётся убедить себя, что это был всего лишь сон. Но что такое Трипитака? Я и слова-то такого не слышала. Ладно, разберусь на работе.

Мрачное утро швырнуло уставшее тело на смятую подушку. Спать! Но цепкие руки города выхватили меня из счастливых снов прошлого. Я опять стояла на автобусной остановке.

Молодой человек улыбался мне навстречу. Я посмотрела вопросительно: не хочет ли он что-нибудь сказать?

– Ты думала, что я сделал это специально? – рассмеялся он, прищулив карие глаза. – Знаешь, эта Трипитака – очень старое издание, почти реликвия. Она ценнее твоего современно изданного Евангелия.

Он отставил локоть, предлагая взять его под руку. Не знаю почему, но я подчинилась. Однако он неожиданно меня остановил:

– Не так!

И показал как. Получалось, что наши выпрямленные руки переплетались в локтях и смыкались в ладонях.

Со словом «Бред!» я окончательно проснулась, потом долго стояла под горячим душем, припоминая все подробности мистической ночи. Честно говоря, я не люблю слушать чужие сны и по той же причине не рассказываю свои – кому нужна чужая нереальность? Что сделать с этим сном, я не знала. Может быть, записать?

Я снова стояла на автобусной остановке и, как в фильме «День сурка», ждала, что всё повторится вновь, но с выправленным сюжетом. Но ничего такого не происходило.

За вчерашний день из сугроба успели вытаять брошенные в прошлом году бутылки, клочки газет, обёртки «Сникерса», скрюченные окурки, рыжая голова дохлой кошки.

Я смотрела на солнце и силилась улыбнуться. В отличие от меня, птицы радовались жизни без всякой натуги – щебетали весело и беззаботно. И почему бы им не уплыть на случайном судне через океан, до материка, а потом не улететь туда, где так красиво, что щемит сердце? Почему бы не свить свои гнёзда где-нибудь на вершине горы в Сан-Марино или не прилечь к птичьей стае на улицах Парижа? Что их держит?

Это у меня не было ни сил, ни возможностей вырваться из этого города. Я была оторвана от тех мест, где родилась, тысячами километров и так дорожила своей свободой, что находила оправдание серым домам, грязным улицам и разбитым дорогам. И мечтала однажды уехать хотя бы в Америку. Тогда все хотели в Америку.

Однажды по городу прошёл слух, что в бухте бросил якорь американский эсминец. И у меня появился план.

Спускаясь по искорёженной лестнице к заброшенной городской площади, я ещё издали увидела белую форменную шапочку. Но головной убор американского моряка красовался на подвыпившем пареньке в спортивном костюме и какой-то телогрейке. Интересно, на что он её выменял?

Пешком дошла до бухты, где безнадежно плакали чайки. Если я сейчас встречу американцев... Нужно просто пристально посмотреть на одного из них. Так, чтобы он не отвёл взгляда. Этого вполне достаточно, чтобы остаться в его глазах навсегда. Он уедет в свой благополучный город, в далёкую страну и увезёт меня с собой, даже не догадываясь об этом. Наверное, я смогу материализоваться из его взгляда там, где мне понравится.

В то время такой способ эмиграции представлялся мне самым вероятным. Глупо было им не воспользоваться. Может быть, именно поэтому спустя какое-то время меня стало мотать по свету? И вот сейчас я лежу под пальмами на малоизвестном острове Чанг и зачем-то изучаю

внутренности пляжного зонтика. Невиданное расточительство эмоций и времени. Но ничего не поделаешь...

V

Не знаю, удалось ли мне задремать. Но когда я медленно открыла глаза, то сквозь ресницы увидела прямо над собой лукаво улыбающееся лицо и развевающиеся на ветру блестящие, как пальмовые листья, волосы. Я ухмыльнулась и, даже не потрудившись изобразить удивление, спросила:

– Ты... кто?

– Э... Ю я!

– Какое же наглое, беззастенчивое посягательство на русский алфавит!

– Исключительно для компании прихватил пару буковок, не больше.

Мы рассмеялись и, наконец-то, обнялись.

Ю – обычная корейская фамилия. Если добавить к ней имя Александр, то получается какая-то нелепица. Поэтому в издательстве Сашку все звали просто Ю. Там он слыл человеком незаменимым, ибо в его руках находились все компьютерные владения. К тому же он мог дать дельный совет дизайнерам или занять место верстальщика.

Вначале казалось, что к моим директорским поручениям Ю относится со снисхождением, что его вежливость нарочита, а за каждым словом таится скрытый смысл. Но постепенно у нас выработался свой стиль общения, в основе которого лежала безобидная язвительность, мало напоминающая диалог начальника и подчиненного.

Лишь однажды я почувствовала, что все не так уж просто. И для этого хватило только одного взгляда. Странно... Ведь мы так часто смотрели друг другу в глаза, смеялись, ненароком касались друг друга руками, и ничего не происходило. Но в то раннее утро, когда никто еще не носился по коридорам, Ю заглянул в приоткрытую дверь моего кабинета, тихо спросил: «Как дела, госпожа?» – и после секундной паузы добавил мое имя. В общем-то, обыденный вопрос, если бы не этот взгляд, застигший меня врасплох.

Напрасно я уверяла себя в том, что все выдумала. Не влюбился же он в меня? Не влюбилась же я в него? Как глупо! Сама того не осознавая, я стала избегать встреч с Ю, что выглядело как-то неестественно и еще больше выдавало мое смятение.

Но потом все утряслось само собой. У Ю появилась девушка по имени Лера – юное, загадочное, удивительно красивое существо с лицом азиатского типа. И появилась не без моего участия. Я первая заглянула в ее умные глаза, когда она пришла на собеседование – издательству не хватало фотохудожников.

Не прошло и двух недель, как мы подружились. Лера не стеснялась советоваться, хотя мои советы вряд ли ей были необходимы, а еще любила поговорить о собственных литературных открытиях, что меня радовало и умиляло.

Все началось с того, что как-то она увидела на моем столе «Триумфальную арку» Ремарка и попросила почитать. Потом она обнаружила, что есть такой Хемингуэй, который тоже писал о Париже, и даже Гюго с его «Собором Парижской Богоматери». Где-то между ними проскальзывали модные в те времена Мураками, Ривьера, Коэльо...

О себе Лера почти ничего не рассказывала. Я знала лишь то, что она живет со старшим братом, увлекающимся дайвингом, горными лыжами, парашютным спортом и еще бог знает чем, – Камчатка к экстриму располагает. Ради красивых снимков Лера тоже рисковала не раз, хотя и считала себя трусихой.

Когда Ю решил уехать за границу, к дяде, Лера заметно погрузтелась, и наши посиделки за чашкой кофе уже не укладывались в рамки обеденного перерыва. Вначале мы получали от Ю короткие электронные сообщения с обещаниями попозже рассказать все подробнее. Но потом

связь прервалась. Ю дал знать о себе через несколько месяцев: он звал Леру в гости, в Америку. В начале декабря мы попрощались...

VI

- Ю, откуда же ты здесь?
- Да так, обронили из кассы букв и слогов... Что же ты до сих пор не заглянула в интернет-кафе? Я там как раз устанавливал новые машины.
- Твой дядя, случайно, не тайцем оказался?
- Случайно, нет. Но это – его отель. Частично. Как видишь, работаем первый сезон.
- А Лера?
- Лера, Лера... Мы были вместе только две недели. Братец узнал, что у меня работа в Таиланде, и утащил-таки ее на Пхи-Пхи. Сказал: «Поныряем».
- Что-нибудь известно?
- В списке пропавших без вести. Оба. Там, где они остановились, сплошная разруха.
- Но не факт, что в тот день они были на острове. К тому же они хорошие пловцы. Вдруг повезло?
- Чего только не скажешь от отчаяния...
- Ю опустил голову, взъерошил руками волосы и посмотрел на меня чужими виноватыми глазами:
- Раньше поехать туда не получилось, подвел бы всех. Улетаю только завтра.
- Можно с тобой?
- Ты же знаешь, там может быть эпидемия и все такое...
- Прошу тебя, Ю. Мне нечего здесь делать. Соверше-е-енно! – протянула я.
- Да, кстати, куда ты подевала Костю?
- Ю, это неважно. Костя разгребаёт сугробы.
- А-а... Знакомая фраза. – Он взял книгу и повертел её перед моим носом. – Ну хорошо, отговаривать не буду. Я все устрою. Лишние вещи оставь пока здесь. И учти – завтра подъем ни свет ни заря.
- Не проблема, Ю. У меня утренняя бессонница...

Наверное, я ничего не сказала бы Косте – смысла не было. Но он позвонил сам, как будто почувствовал. Пытаясь объяснить ему очевидные вещи, я не находила нужных слов и машинально рисовала стрелы на вылизанном волнами песке.

- Я не понимаю, зачем они тебе? Вы что, родственники? – негодовал он.
- Костя, Лера – близкий мне человек. Что тут непонятного?
- А Ю тоже?
- А Ю ещё более близкий.
- И когда это вы успели так... сблизиться?! Разница в возрасте не смущает? Нет?
- Слушай, Костя, при чём здесь это?
- Я бы советовал тебе вернуться.
- А я просила совета?
- Ах, да, теперь у тебя другие советчики!
- Я чувствовала, что накал его бешенства нарастает, но продолжала держать трубку.
- Не боишься, что тут твой бизнес сдохнет? Или ты думаешь, что я буду тянуть твою лямку? Зачем было вообще втягивать меня в это дело, стерва!

Мне хотелось крикнуть ему: «Заткнись!» Крикнуть с таким чувством, с каким орал это слово на пляже мальчуган своему отцу. Но я лишь сжала в кулаке горсть мокрого песка...

VII

Вопреки моим ожиданиям, нам предстояло лететь не на Пхукет, а в Бангкок, к дяде Ю, офис которого уже почти месяц работал в одном из респектабельных районов города. По словам Ю, дядя мог подсказать, куда обращаться, с чего начать поиски, дать какие-то адреса, предварительно созвониться с информированными людьми.

Утром на пароме мы за полчаса добрались до деревушки Лэм Нгон, взяли такси и через несколько минут были в аэропорту Трата. Отсюда до Бангкока всего-то 45 минут лёта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.